

Елена Янушевская

ВЕК
без поэтов

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

Издательство Московского университета

2019

Янушевская, Е. В.

Я65 Век без поэтов : философская проза. — Москва : Издательство Московского университета, 2019. — 386 с.

ISBN 978-5-19-011461-4

Книга Е.В. Янушевской, кандидата философских наук, специалиста в области аксиологии, составлена из разножанровой философской прозы. В непринужденной манере или с научной строгостью автор излагает свой взгляд на сущность эмоциональной, лирико-поэтической, художественной ценности – впервые придавая им субстанциальный статус и связывая творческое воображение и артистизм с виртуальностью.

Опыт размышлений о ценности на страницах книги вписан в культурный контекст информационного общества; соотнесен с идеей и кризисом классического гуманизма; осмыслиется в связи с острейшими вопросами современности. Каково будущее эстетики как отношения к миру? Сохранится ли художественное познание в технократическом обществе? На чем основано целостное ценностно-ориентированное развитие личности? Как соотносится идея теозиса с учением о постчеловеке? Почему рубеж XIX и XX веков был «веком поэтов» (А. Бадью), а наши дни, наоборот, век без поэтов?

«Спасет ли мир красоту?» – главный вопрос книги, предназначенной для широкого круга читателей, интересующихся философией, поэтологией, современной поэзией и искусством.

**УДК 13
ББК 87**

© Е. В. Янушевская, 2019

© Издательство Московского университета,
2019

ISBN 978-5-19-011461-4

СОДЕРЖАНИЕ

КАК РОДИЛАСЬ ЭТА КНИГА 9

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ. ИСТОРИЯ, ЦЕННОСТЬ, МИР, ЧЕЛОВЕК

Есть ли смысл у истории? 13

Ценность как принцип познания 25

Культура — наш дом 34

РАЗДЕЛ I. ТРИ ЭССЕ О СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

АМПУТАЦИЯ ВКУСА

Предварение 40

Художественный вкус и его истоки 46

Подмена понятий. Открытая масса невежд 49

Искусство и капитал 58

Художник как анахронизм 65

Искусство как пиар 68

Панпсихологизм 73

Персонализм без персоны 77

Культ адаптивности. *Как бы* эпоха 83

Большое зло 88

Будущее художественной эстетики 92

Постистория или теозис? 96

ВЕК БЕЗ ПОЭТОВ

Призраки лириков 103

Современность и поэтическое измерение жизни 105

Царство ценностей и культура 112

Атрофия души. Ценности эмоционального ряда 118

Ценность и вера 127

Поэтическая индустрия: текст vs поэзия 135

Тотальность стандарта, или Байрон, прости! 145

Форма. Техника и артистизм 152

Подавление воображения 156

Virtu поэзии и ее социальная ценность	162
О Новом человеке.	178
Судьба эпохи.	181
«СИМУЛЯКРОМ СМЕРТЬ ПОПРАВ»: ТИТАНЫ И ТРОЛЛИ В ПОСТИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	190
 РАЗДЕЛ II. AD NOTANDA	
ВИРТУАЛЬНОСТЬ И АРТИСТИЗМ	
1. Воображаемая реальность	208
2. Прекрасное как продукт воображения	209
3. Гиперреальность. Смысл вымысла	215
4. Виртуальность и эстетическая ценность	223
5. Виртуальность — эстетика — онтология.	226
In statu prima philosophia.	233
ИНТЕЛЛИГЕНТ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЦЕНИТЕЛЬ.	244
КУЛЬТ ОДНОМЕРНОСТИ: ГУМАНИТАРНЫЙ КРИЗИС И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (в соавторстве с М. М. Маргоской)	
О докладе.	256
I. Культ одномерности	258
II. О чем говорят факты	278
III. Манифест культурного сопротивления.	286
БОДЛЕР. ПОЭЗИЯ И ФИЛОСОФСКИЙ РАЗУМ	
«Несводимый».	293
От диалектики эстетизма к артистической ценности	298
Философия артистизма	315
Абсурд как ценность	337
ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ АКСИОЛОГИИ: КРАТКАЯ ПАМЯТКА.	
Термины	366
Об авторе.	384

*Моим родителям —
Татьяне Алексеевне и Валерию Петровичу Терещенко*

КАК РОДИЛАСЬ ЭТА КНИГА

Основная работа над книгой «Век без поэтов» пришлось на 2012–2014 гг. В целом ее создание продолжалось с 2009 по 2016 г. Временная дистанция по отношению к текущему моменту, думаю, не сделала ее менее злободневной, напротив, она приобрела еще большую остроту и по-прежнему актуальна как отклик на общественные, политические и культурные процессы, протекающие в России и в мире в целом.

Содержательное ядро книги составляют самостоятельные, но тематически взаимосвязанные «Три эссе о современной культуре». Предваряемые историософским этюдом, они затрагивают проблему гуманитарного кризиса в технократическом обществе с фокусом на российском культурном ландшафте. В основу центрального эссе «Век без поэтов» лег доклад на конференции Дней философии в Санкт-Петербурге в 2011 г. Спустя пару лет, уже в виде небольшой статьи, эти размышления о поэтической ценности увидели свет в «Вопросах философии»*. Первое эссе – «Ампутация вкуса» – итог моей журналистской работы и погружения в различные медийные среды. Философская

* *Терещенко Е. В.* Почему в современной России не популярна поэзия, или Ценностные основания гуманитарного кризиса в современном мире // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 85–92.

отвлеченность проявлена в них в разной степени, но все три эссе я отношу к публицистике. По замыслу наиболее близок им сборник «Вехи» – как образец мировоззренческих выступлений, обращенных к широкой аудитории.

Второй раздел «Ad notanda» поясняет теоретически наиболее значимые идеи, сформулированные в «Трех эссе». Так, аналитический доклад «Культ одномерности» содержит фактический материал и является иллюстрацией к эссе «Ампутация вкуса». Неоднородные в жанровом плане (публицистика, аналитические выкладки, научные статьи), все работы объединяет взгляд на современное общество сквозь призму ценностей.

О месте аксиологии в сфере общественных наук говорить специально в краткой преамбуле смысла нет. Однако ценностный метод – и сложный, и одновременно универсальный инструмент познания. По этой причине в сборник пришлось включить и научные комментарии. Пояснительную роль играет «Краткая памятка» – перечень и расшифровка терминов аксиологии, используемых в публикуемых текстах*.

В научной статье «Виртуальность и артистизм» исследуется приложение термина «виртуальность» в философской эстетике, раскрывается ряд обобщений, основополагающих для эссе «Век без поэтов». В новой редакции, как заключительный аккорд, публикуются аналитические фрагменты «Бодлер. Поэзия и философский разум». Работа, посвя-

* По аксиологии автором защищена кандидатская диссертация, опубликованы научные статьи, читались лекции, проводились семинары со студентами в рамках изучения курса по истории и философии науки (2010–2012 гг., гуманитарные факультеты МГУ имени М. В. Ломоносова).

ценная парадигмальному вкладу поэзии в философию, очень весьма точно «рифмует» художественный и социальный опыт создателя «Цветов зла» с культурным и гражданским опытом современной творческой интеллигенции.

Дегуманизацию, обесценивание как тип отношения к миру можно считать доминантой этого опыта. Особенно значима эта проблема для России, по общему для мыслящих людей ощущению, сделавшей в последние годы явный идеологический откат в Средневековье и деспотическую Азию. Утрате формы – художественной, моральной, гражданской – в любые эпохи каждый может противопоставить усилие – отделять от своего сознания и бытия то, что угрожает ему интеллектуальным и нравственным разрушением. Отсутствие проективных конструкций в какой-то момент представилось мне недостатком моих размышлений. Однако будущее, даже ближайшее, не определено, а в самих способах наблюдать настоящее, в его оценках, в разоблачении неправильных форм жизни заключен способ мыслить то, что становится. Объяснять – значит создавать понимание, а через понимание – и саму реальность. Сознательное избегание конкретных прогнозов и рецептов по этой причине не худший путь к управлению будущим.

Это, собственно, и есть «оправдание» предлагаемой читателям книги. Наступят дни, когда начнут писать историю первой трети XXI века. Прозвучат голоса в том числе и тех, кто процветал, попирая человеческое достоинство, гуманизм и культурные ценности. Что случается с исторической памятью целых наций, мы знаем. Поэтому и должен не иссякать диалог между теми, кто не считает ненужным различать ложь и истину, безобразие и красоту, добро и зло – кто не желает мириться с утратой способности к по-

знанию ценного в историческом масштабе. Возможно, эту книгу имело бы смысл назвать «Манифест культурного сопротивления», по одной из частей доклада «Культурное единство». И все-таки я предпочла выделить иное – плодотворность объединения. В данном случае: эстетического, философского и журналистского взгляда на общество и цивилизацию, в которых человечество творит свой завтрашний день.

Елена Янушевская

ВЕК БЕЗ ПОЭТОВ

Мертвые поэты для нас ничего
не значат, если у нас нет живых.

Т. С. Элиот

ПРИЗРАКИ ЛИРИКОВ

Как-то в рассылке от издательства «Ad Marginem» мне пришло любопытное сообщение. Анонс: Эдуард Лимонов выпустил новый сборник стихов и рекомендует поэзию как занятие «почти средневековое». Сборник «Девочка с желтой мухой», предположила я, читателя заинтригует. Но, согласитесь, какой смысл обращаться к поэзии, если она ничего не значит для настоящего?

По ассоциации мне вспомнился один знакомый – художник, с чувством изображавший особенный тип людей.

– Я не знаю, кто они. Я рисую их одиночество как нечто прекрасное, как таинство обреченности... Это лирики. Люди, которых в наши дни можно причислить к призракам.

В синей блузе, в широкополой шляпе, в брюках-клев, то ли в меланхолии, то ли в истоме, прислонившись к стене...

Контакты художника затерялись. Но о рисунке, хранящемся как трофей когда-то богемной жизни, я вспомнила, размышляя о странном бытии поэзии в современном мире. Или, точнее, сквозь призму поэзии, ее места в мире – пытаюсь понять и сам этот мир.

Что значит для нас поэт? Современный поэт? Пустозвон с претензией? Культурный призрак, химера, никак не влияющая на жизнь общества? Положение его, надо признать, ничтожно, равно социальному небытию: попытка жить только поэзией привела бы современного стихотворца к смерти. А между тем социальная ценность любого дела (ставшего профессией или нет) измеряется в том числе социальной защищенностью тех, кто им занят. Стоит ли говорить, что у истоков цивилизации, в Древнем мире, поэзия была предметом культа и занимала очень высокую позицию в иерархии социально ценного. В руническом алфавите, созданном скандинавами, руна «Асс», к примеру, символизирует прежде всего поэта, посредника между мирами – земным и божественным. Такой представлялась древним структура мироздания, и в ней присутствовал как его неотъемлемый элемент поэт-провидец. Социальное воздействие поэзии было значительным еще полвека назад, вспомним поэтов середины – второй половины XX в.: Томаса Элиота, Роберта Фроста, Уистена Одена, Иосифа Бродского; в СССР эстрадников Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского и других. «Трибуны, на которых расположилось несколько десятков тысяч поклонников современной поэзии, ревели от восторга. Так сегодня ревут футбольные фанаты», – вспоминает Сергей Мцканян [21].

Каков же мир, в котором поэзия утратила социальную и жизненную ценность?

СОВРЕМЕННОСТЬ И ПОЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЖИЗНИ

Искусство может существовать только
для других и посредством других.

Ж.-П. Сартр

По данным Википедии, в современной России насчитывается 396 поэтов*. В этом списке и признанные, из прошлого века, и новые, уже известные широкой публике, в основном в Интернете. Впечатляющее число имен представлено на сайте Новой литературной карты России: в разделе «Картотека» они выстроены в длинные-длинные столбцы персоналий.

Кто-то из этих поэтов, увековеченных на странице Вики и в других виртуальных местах, и творит, и получает литературные премии – Большую, Малую, «Дебют», «Триумф», «Московский счет», «Поэт», от ряда издательств, литературных журналов и литературных объединений. Из тех, кого посчитали, – почти 400, несколько крупных литпремий и множество сетевых литературных порталов...

В то же время в электронных архивах «Журнального зала» представлены «толстяки» («Арион», «Знамя», «Нева», «Звезда», «Новая юность», «Новый мир», «Юность», «Октябрь»...), опубликованы ссылки на литературные издания

* Такая цифра приводилась на странице «Поэты России XXI века» в 2013 году. В настоящее время страница имеет другой вид: список поэтов оформлен в алфавитном порядке, без указания их числа. Полагаю, информация эта имеет риторический смысл и не требует аптечной точности, лишь направляя внимание.

в Сети. Последняя и весьма обширная рубрика говорит о том, что профессиональная литература занимает должное место, по крайней мере, в виртуальном пространстве. А в марте, 21 числа, в Москве и крупнейших городах России отмечается Всемирный День поэзии. Коротко говоря, люди пишут стихи или то, что они называют стихами, и, казалось бы, испытывают интерес к поэзии.

Разве все это не свидетельства популярности поэтического искусства?

Однозначно отвечаю: нет.

Не касаясь того, как обстоят дела с поэзией в печатных изданиях, профессиональных и остальных, стоит сразу же оговорить в общем-то очевидную вещь. Подавляющее большинство стихийно публикующихся не склонно задаваться не посторонним их делу вопросом. Чем журналистский, литературный, поэтический или прозаический текст отличается от записи в дневнике, в любом другом месте? Как итог – тексты, не имеющие никакого отношения ни к поэзии, ни к искусству слова в более общем смысле. Публичность, которую предоставляют интернет-ресурсы своим пользователям, – главный ее интерес.

Популярна в наши дни не поэзия. Популярно быть популярным.

Профессиональные литераторы уверены при этом, что графомания «не тема для серьезного разговора». Ее размножение якобы ничем не угрожает литературе. И все-

таки имеет смысл быть предусмотрительней. В размножении пошлости нет ничего угрожающего, пока мы (будем говорить о публике более широкой, чем эксперты, и при этом достаточно культурной) еще способны отличать поэтический текст от прочего. Ведь утрата способности различать, а значит, оценивать, сравнивать и следовать культурным образцам, относить к ценности – культурная проблема. По той причине, что в конечном итоге любой текст, любой и по форме, и по содержанию, только в силу своей публичности приобретает статус «литературного». Аморфный в жанровом плане, объективно незавершенный текст, публикуя который в том числе в электронных СМИ, редактор стремится повысить посещаемость сайта, привлекая внимание к «горячей теме».

Случилось все это не вчера. Таков парадокс: варварство, «бунт против всякой формы» – обратная сторона цивилизации, демократии, просвещения и технического прогресса*. Показательно, формулировка «эпоха без эталонов» возникает у одного из *современных* философов (в сочине-

* Интересно также привести созвучные Ортеге оценки Г. Зиммеля и М. Мерло-Понти, сделанные в начале и середине прошлого века. В «Конфликте современной культуры» Зиммель пишет: разрушение культуры «настолько усилилось в наши дни, что во всех возможных областях жизни начал замечаться бунт против всяких установленных форм вообще». И в другом месте: «Мы живем уже вне всякого объединения идей, даже более того, – вне всякого господства идеи» [14]. В эссе, написанном в 1960 году, Мерло-Понти высказывается еще резче: «Мы входим в режим культуры, где нет уже, в том, что касается человека и истории, ни ложного, ни истинного, и попадаем в сон, или кошмар, от которого ничто не сможет пробудить» («Око и дух» [20]).

нии, написанном в 1930-е годы [23]). Именно обесценивание образцов – причина той культурной фрагментации, которая поразила цивилизованный мир. Культура без иерархии ценностей теряет целостность, распадается на фрагменты, атамизируется и перестает быть, по сути, культурой. Отсутствие эталонов создает ощущение, что «сойдет все» («anything goes»), и подобный порядок распространяется не только на беллетристику. Бессмысленно отрицать отсутствие единого дискуссионного поля как в случае с литературой, так и в случае с философией. Такое положение дел мы наблюдаем практически в каждой сфере социогуманитарного знания (журналистика, наука, искусство). У каждого – свои масштабы «достижений», свои критерии оценок, свои представления о художественности, свои эксперты. И если задаться вопросом, а отражает журнальный «литпроцесс» литературу современной эпохи и возможно ли по этой, «официальной», версии составить представление, что же происходит в текущее десятилетие, однозначный ответ вряд ли возможен.

Единственным условием ценностного порядка не следует, однако, считать политическую идеологизацию культурного производства. Эйдос прекрасной формы при любых режимах – эйдос прекрасной формы, какие бы разные воплощения он не получал – от Античности до модернизма*:

* Чтобы четче проявить эстетический характер моих размышлений, мне приходится делать на этом акцент. Вместе с тем сама по себе – это отнюдь не новая мысль. Подобное понимание – часть общей культуры личности, и мы находим его у многих, кто обращается к этой теме: «Неверно думать, что произведение искусства какой-либо эпохи, разработавшее новые технические средства или, например, законы перспективы, благодаря этому

эталон предпосылается не политической идеей, не конкретным политическим строем, а эстетической ценностью, познание которой и определяет эстетический интерес, критические оценки и соответственно различие того, что обладает эстетическим содержанием, а что нет. Расхожий в массах аргумент – «все мы разные» – оправдывает, в конце концов, не равноправие потребностей, а уравнивание их в ценности, будь то наслаждение шедевром или примитивные развлечения. В итоге все меньший круг людей понимает, что такое эстетика словесного творчества. Такое положение дел не перестает быть неблагоприятным, даже если современный автор, к сожалению, убежден, что не нуждается в читателе-неспециалисте, адресуя свое творчество экспертам и все более узкому кругу ценителей. Тенденции к развитию поэтического искусства как искусства для «ценителей», или «адресного» искусства, не отменяет бесспорной истины: чтобы соответствовать своему предназначению, артистическая коммуникация должна проис-

стоит выше в чисто художественном отношении, чем произведение искусства, абсолютно лишенное всех этих средств и законов, если только оно было создано в соответствии с материалом и формой, то есть если его предмет был выбран и оформлен по всем правилам искусства без применения позднее появившихся средств и условий. Совершенное произведение искусства никогда не будет превзойдено и никогда не устареет; отдельный индивид лично для себя может по-разному оценивать его значение, но никто никогда не сможет сказать о художественно совершенном произведении, что его превзошло другое произведение в равной мере совершенное» [7]. Свое понимание этой особенности искусства Мерло-Понти выражает с особым изяществом: каждый шедевр «достигает глубины будущего» [20].

ходить прежде всего на уровне художник – публика, притом как можно более широкая. (А не художник – художник или художник – эксперт.)

Тут мы и подошли к этому, без преувеличения, эпохальному вопросу. Почему же поэтическая фигура превратилась в социальный призрак, почему поэзия приравнивается к легковесному ремеслу шоумена (как это часто бывает сегодня с искусством в принципе), к занятию, не имеющему ни жизненной, ни культурной ценности? Почему в поэзии нуждаются только те, кто пишет стихи? Почему, несмотря на безудержный рост возможностей для авторских публикаций, публичных выступлений и самого разнообразного чтения, современные люди, люди информационной эры перестали нуждаться в поэзии и не находят в ней ни эстетического восторга, ни возможной опоры в жизни?

Гораздо важнее отсутствующего у широкой публики интереса к поэзии иное. Человек нашего времени теряет способность чувствовать поэзию и нуждаться в ней не только на уровне текста, но и в жизненной реальности – чувствовать нечто, что невозможно выразить, а только – сообщить, наваять. Чувствовать то, что составляет квинтэссенцию жизни, хотя и не поддается точному исчислению, не закрепляемо в точном понятии, окончательно необъяснимо и неуправляемо, ибо фиксируется с трудом, как тот момент, когда, пользуясь словами Мачадо, одна «галерея души» сменяет другую. «Некое таинственное измерение реальности, не поддающееся никакому подсчету и безразличное к меркантильным соображениям; нечто “Неуловимое” – то, что похоже на обещание другого, вполне возможного мира» [25].

Назовем это поэтическим измерением жизни.

В теории литературы мы находим четкое определение поэзии как вида искусства. Однако если говорить о ней как о некоей реальности, отражаемой в поэтическом языке, ее однозначное понимание вряд ли возможно. Вместе с тем поэтический мир действительно существует, духовный опыт общения с ним транссубъективен и выражается не только в доступных внутреннему созерцанию и сообщаемых другим переживаниях, но и в определенных ценностях. В самом общем смысле это нечто, для выражения чего обычный язык недостаточен: «Поэзия темна, в словах невыразима». И в то же время поэтическое чувство можно внушить. Для этого и возникает особенный – поэтический – способ словесного выражения. Он включает образность, ассоциативность, иносказательность, суггестивность, смысловую, а подчас и тематическую неопределенность и, как следствие, герменевтическую открытость. Поэтический текст обновляется с каждым прочтением, щедро представляя возможности для проявления новых смыслов. Именно в силу того, что поэтический опыт глубоко экзистенциален, взывает снова и вновь к изобретению выразительных средств языка и делает существование жизнью. Образцовое слово, по сути, является закреплением уникального личного опыта в коде культуры, в которой существование и приобретает качество жизни как полноты духовных возможностей. И вот эта реальность становится все менее действительной, все менее доступной для восприятия современного человека.

Это и есть самая суть: утрата способности чувствовать и выразить «неуловимое», тосковать о тайне и фантазировать о невозможном.

Ряд особенностей современного общества, утратившего поэтическое мироощущение, можно связать с конкретными ценностными процессами: каковы общественные идеалы, таково и находящееся в центре внимания и тиражируемое как образец искусство. Помыслить век без поэтов* глобально, по крайней мере масштабней, чем локальные, отечественные культурные ландшафты, нам даст возможность аксиология поэзии. Взгляд теоретика объединяет в единое целое и разрозненные фрагменты исторической эмпирии, и умопостигаемые уровни бытия, в том числе базовый для культуры – ценностный.

Таков мой подход к выделению главных для современности мировоззренческих установок. Но прежде следует разъяснить, на чем зиждется предлагаемое здесь понимание ценностных основ истории и культуры.

ЦАРСТВО ЦЕННОСТЕЙ И КУЛЬТУРА

Создатель материальной аксиологии Макс Шелер все многообразие культурного опыта представляет так. В феноменологическом понимании это объективно существующий, иерархически организованный, принципиально открытый и при этом целостный мир, всеобъемлющее практическое познание которого и может быть понято как духовная за-

* «Веком поэтов» Ален Бадью называет время от Поля Верлена до Поля Целана – период, когда поэзия берет на себя парадигмальную функцию. Кризис философии после Гегеля – тому причина. Эти идеи Бадью развивает в таких работах, как «Манифест философии» [3] и статья «Век без поэтов» (НЛО, 2003).